

АРХИВ

Независимая газ. — 1993 — 28 апр. — с. 5.

Надежда Полунина

НАЧИНАЯ НА ЗАКАТЕ жизни мемуары Дарья Михайловна Леонова напишет: «Желание мое описать мою жизнь возникло, во-первых, из деятельности моей как артистки, которой случалось сталкиваться со множеством людей разных общественных положений, во-вторых, как женщины, добывавшей во многих странах и обехавшей кругом света; наконец, история жизни моей сама по себе представляет — лпу себя надеждой — интерес для русских людей как по моему происхождению, так и по тем путям, которыми суждено мне было достичь настоящего моего блестящего положения».

Дарья Михайловна Леонова происходила из беднейших слоев русского общества. Ее отец был родом из крепостных крестьян, но получил личную свободу, сбегав на войну с французами и вернувшись в Россию в офицерском чине. Однако средств для существования у него не было. Полюбившаяся ему петербургская девушка происходила из бедной семьи столичного чиновника. Молодая семья уезжает в провинцию, колесит по Тверской губернии в поисках работы и пристанища. В Вышнем Волочке в 1835 году у них родилась дочь Даша.

Когда девочке исполнилось семь лет, родители переезжают в Петербург. Живут по-прежнему бедно, но однажды в праздник семья выбралась в театр. Оказалось, что у Дашки превосходный музыкальный слух: она запомнила все куплеты водевилей и распевала их целыми днями. Ее голос случайно услышала дальняя родственница и настояла, чтобы девочке купили хотя бы дешевое фортепиано и отвели на прослушивание в училище. Фортепиано куплено, Даша переступила порог училища: девочка произвела хорошее впечатление и была зачислена вольноприходящей ученицей Петербургского театрального училища.

В необыкновенном рвении к учебе она настолько опередила всех, что, когда в Александринском театре встал вопрос о вводе на роль Катерины в водевиле «Катерина — золотой крестик», выбор пал на Дарью Леонову. В 1851 году она впервые вышла на сцену. Ее прекрасное контральто было замечено. Дарью Михайловну Леонову зачисляют в труппу императорских театров, назначают жалованье: вначале она поет в драматических спектаклях, исполняя «роли с пением», а вскоре дебютирует на оперной сцене.

Карьера Д. М. Леоновой как оперной певицы была относительно короткой, но какой впечатляющей! Семнадцатилетней девушкой в 1852 г. вышла она на подмостки Мариинского театра в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя». Она пела партию Вани, ее слушал сам композитор. И, восхищенный голосом, предложил давать уроки. Дарья Михайловна, бывая в доме М. И. Глинки, часто пела ему. Романс «Ах, не мне, бедному» в ее исполнении вызывал слезы у композитора. Ей он посвятил лучший свой романс «Молитва».

Свою сценическую деятельность она закончила в 1874 году исполнением партии Хозяйки корчмы в премьерном спектакле М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Позднее Ц. А. Кюи напишет, что с уходом из жизни Д. М. Леоновой русская музыка осиротела, ибо в ее лице потеря-

ла своего лучшего исполнителя и интерпретатора, и особенно ошутима ее потеря для музыки М. П. Мусоргского.

С Модестом Мусоргским у певицы сложились особые отношения: сотрудничество их перешло в тесную дружбу, дружба — в привязанность и любовь. Модест Петрович, работая над оперой «Хованщина», каждый вечер приносил и проигрывал новые страницы Дарье Михайловне. Они вместе выступали в концертах: выдающийся композитор сопровождал певицу. Весной 1879 г. с триумфом прощдо их концертное турне по южным городам России. Эти полгода стали счастливейшими в жизни Модеста Петровича. По возвращении в Петербург он легко и быстро сочиняет свою знаменитую «Блоху», посвящая ее Дарье Михайловне. Однако депрессия, которую пережила композитор накануне поездки, вспыхнула с новой силой. Дом Дарьи Михайловны стал послед-

ним пристанищем в скитальческой жизни композитора. У М. П. Мусоргского есть такие строчки, адресованные артистке: «Честь и хвала ей, гордо держит знамя русского искусства».

Леонова начала сценическую деятельность в тот период, когда формировалась национальная оперная школа и шла борьба за ее утверждение на сцене театров России, где прочно осела итальянская музыка. Дарья Михайловна своим неподражаемым проникновением в образ, своим сильным и сочным голосом способствовала успеху русских опер у зрителя. Она могла гордиться тем, что ей выпала честь стать первой исполнительницей многих партий, созданных классиками русской оперы.

13 апреля 1874 года состоялась прочальный бенефис артистки императорских театров. Позади 22 года сценической деятельности, 32 партии в русских и иностранных операх, сотни концертов, успешная гастрольная поездка в 1858 г. в Вильно, Варшаву, Вену, Париж. Уход ее со сцены был преждевременным и вынужденным: закладные интриги, придирки администрации принудили ее к этому шагу. В расцвете жизненных и творческих сил — артистке не исполнилось и сорока лет — она осталась не у дел. Любимец хозяйки, волнистый попугайчик, твердит десятки раз на дню единственную выученную фразу: «Дашенька, спой романс». Но не пелось Дарье Михайловне: «Я настолько чувствовала себя оскорбленной и столько сознавала в себе силы для сценических подмосток...».

И вот тогда-то эту кипучую деятельную натуру озарило. «Вдруг в голове моей блеснула новая и смелая мысль, — пишет в мемуарах певица. — Задумала я думушку, которая не давала мне покоя ни днем, ни ночью, а именно: дай-ка возьму да объеду кругом света». Она задумала познакомиться отдаленные окраины

России и всей планеты с русским искусством. Никто не субсидирует ее предприятие: в кошельке ее было всего 400 руб., когда она тронулась в путь; никто не сопровождает ее. Впрочем, сопровождающий у нее был: «При мне был маленький кролик, мой любимец, который от самого Петербурга совершил со мною кругосветное путешествие». В Японии к кролику присоединятся две маленькие собачки.

«Нужно было все предусмотреть при составлении плана путешествия. Я остановилась на следующем: проехав через всю Сибирь к устью Амура, побывать во Владивостоке и затем проехать через Китай, Японию и Америку. Я должна была пригласить ко всему, даже к гибели. Если бы я не обдумала этого вопроса глубоко со всех сторон, вероятно, я не решилась бы на такое длинное и опасное путешествие; но я пришла к тому заключению, что если вернусь благополучно, то это будет как

ресаживается в возок. О возке, в котором Дарья Михайловна доехала до Иркутска, нельзя не сказать. Выезжая из Петербурга, она как-то забыла, что Сибирь в два летних месяца не пересеешь. Где же в Тюмени взять возок, да такой особенный, чтобы сберечь голос? «Когда судьба начнет покровительствовать человеку, то ему удается все», — вспоминает артистка. Тюменские ремесленники сделали возок для выставки, но почему-то еще не отправили, и ее пригласили посмотреть. Восхищению певицы не было предела, когда она в скромной мастерской увидела чудо: «Сверху он был обтянут лосиной кожей, окна опущены медведем; двойные отводины сделаны так, что возок не мог опрокинуться; внутри обит синим репсом; ручки, крючки, кнопки из слоновой кости, внутри два фонаря и зеркало, рамы двойные. Одним словом, я нашла всевозможные приспособления для удобства и пред-

целую овапию. Во втором отделении, — продолжает она, — когда я стала петь из «Жизни за царя», со стороны русских явилось как будто соревнование в выражении восторга, и я должна была повторить всю арию по требованию публики. Не помню, чтоб когда-нибудь еще принимали меня с таким восторгом: зала буквально дрожала от рукоплесканий».

Следующим был Барнаул: «В таком маленьком местечке, как Барнаул, удалось мне дать шесть концертов... Концерты со сценами приводили публику в восторг».

В Красноярске Д. М. Леонова дала шесть концертов со сценами, «так как город Красноярск небольшой».

В Иркутске артистка заболела: у нее начался бронхит, и четыре месяца она пролежала в постели, но тем не менее и здесь она дала шесть концертов, хотя очень сожалела, что болезнь настигла ее именно в этом городе, где был

было подогреть. Иногда баснословно богаты — в Красноярске, когда она в доме Кузнецова вышла к обеду, «еще уже были налиты, а моя тарелка обложена кругом соболями, для того, сказал мне хозяин, чтобы щи не простыли». А после обеда хозяйка просила принять этих соборелей в дар. В благодарность артистка пела, не падая своего голоса, пела так, как когда-то перед самой изысканной публикой в Мариинском театре.

Потом был Нерчинск. «В Нерчинске существовало отделение Музыкального общества под покровительством известного Бутина, любителя искусств и литературы. Он же предложил мне по приезду моему в Нерчинск помещение у себя. Мне отданы были две роскошные меблированные комнаты с балконом в сад, который мог бы сравниться только с самыми замечательными садами Европы. Весь в цветах, растения теплого климата, даже тропические, как, например,

у нее начался бронхит, и четыре месяца она пролежала в постели, но тем не менее и здесь она дала шесть концертов, хотя очень сожалела, что болезнь настигла ее именно в этом городе, где был

увидела, что все крутом запружено китайцами: они не имели права войти в зал, но слушали ее у раскрытых окон. Вернувшись в Японию, она уже собралась плыть в Америку, но несчастный случай задержал ее среди японцев еще на две недели. Как-то неволький «дженирикс» — носильщик — не сумел затормозить на крутом повороте, и повозка ударила о скалу. От удара Дарья Михайловна потеряла сознание, «дженириксу» же оторвало ухо. Однако малое несчастье, как оказалось потом, спасло ее от большой беды. Корабль, на котором она собралась плыть, попал в шторм и погиб.

Когда очередным рейсом артистка отправилась в Америку, то беда и их корабль не обошла стороной: 15 дней трепал шторм, и только искусство капитана, сумевшего выйти из эпицентра бури, спасло жизнь пассажирам. Четырежды переплывала Тихий океан Дарья Михайловна, четырежды попадала в шторм и поэтому имела право сделать заключение: «Название «Тихий океан» можно считать ироническим». В Америке Дарья Михайловне не удалось так блеснуть талантом, как в Сибири, Японии, Китае. Только в Сан-Франциско она дала несколько концертов, а когда пересекла американский континент по железной дороге и достигла Нью-Йорка, то был уже разгар лета, концертный сезон должен был начаться в октябре, но ждать несколько месяцев ей не захотелось: «Как ни хорошо, ни интересно было везде, где я побывала, но именно во время путешествия во всей силе сказалося чувство привязанности к родной стране». Посетив Чикаго, Филадельфию, где проходила тогда Всемирная выставка, актриса переплывает Атлантический океан, посещает Лондон, потом Париж, и вот, спустя три года она едет по Петербургским улицам в свой дом у Египетского моста... 25 января 1896 года в Петербурге Дарья Михайловна Леонова скончалась. Известный композитор и музыкальный критик Ц. А. Кюи в некрологе, посвященном ее памяти, писал, что она — талантливый самородок, которыми так богата российская земля, что она сделала много для становления русской национальной оперной школы, создала на сцене яркие и оригинальные типы, была тонкой исполнительницей русских романсов, воспитала многих талантливых певцов... Но кроме того, продолжал Кюи, яркий жизненный путь Дарьи Михайловны украсила грандиозное предприятие — кругосветное путешествие, зрелищное и блестяще осуществленное во имя искусства.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ДАРЬИ ЛЕОНОВОЙ

(Из мемуаров оперной певицы, артистки императорских театров)

Дарья Михайловна Леонова

дохранения от холода, как будто возок был заказан нарочно для меня», — заключает владелица роскошной повозки для путешествий по зимним дорогам.

Певица приезжает в Омск. Последний концерт прошел для нее здесь незабываемо. Не зная, что в городе много ссыльных поляков, она включила в первое отделение мазурку А.Контского: «Они так обрадовались, услышав свой национальный танец мазурку, — запишет в мемуарах Д. М. Леонова, — что устроили мне

прекрасный театр, который отдавали в ее распоряжение на все пасхальные праздники.

Гостеприимство сибиряков ошеломляло артистку: нигде, ни от кого, ни разу она не получила отказа, к ней относились не только доброжелательно, но так, словно она была близкой и родной этим впервые увидевшим ее людям. Подарки сибиряков иногда были трогательны до слез: в Омске ей привезли кадку замороженных щей, уже разлитых по тарелкам, чтобы в дороге легче

лавр, потом кедр, лиственница; одним словом, собрание европейских и азиатских растений. Здесь я оставалась две недели и дала четыре концерта. В маленькой консерватории Бутина оркестр был настолько хорош, что мог мне аккомпанировать всю сцену из «Жизни за царя», также из «Рогнеды» и «Пророка».

У артистки будут еще концерты в Благовещенске, Хабаровске, Николаевске, Владивостоке, а всего от Перми до Владивостока за полтора года она дала около ста концертов, в Екатеринбурге пять раз спела в опере «Трубадур», в Нерчинске — несколько полных сцен из двух опер.

Размышляя в Петербурге о трудности пути и даже возможности смерти, Дарья Михайловна Леонова была недалека от истины. В Иркутске ее с трудом вывеличи от тяжелой простуды. В Барбинском степи в своем роскошном возке она была застигнута вьюгой: ямщик ушел за подмогой, а певица и ее случайный спутник с революверами в руках простояли всю ночь на ветру и были почти занесены снегом. Перед Нерчинском лошади, взбираясь на самую высокую гору, не выдержали и стали пятиться; ямщик, спасая свою жизнь, прыгнул, а Дарья Михайловна, схватив вожжи, так неистово закричала («вот тут мой голос пригодились»), что лошади сумели приостановиться.

А впереди были Япония, Китай, Америка. С Японией регулярного сообщения в 1875 г., естественно, не существовало, но именно тогда, когда Д. М. Леонова достигла Владивостока, из города отправлялась военная эскадра, и с телеграфного разрешения Великого князя Константина Павловича певицу взяли на борт военного корабля.

Вначале океан был спокойным, рядом с кораблями плыли киты, потом разыгрался шторм, и с большим трудом эскадра достигла портового города Йокагамы — Юкагама, как будет на-

школы Леоновой, которая располагалась в ее собственном доме, ходила не только слушать музыку, но и смотреть музей.

Из Японии Д. М. Леонова совершила поездку в Китай. По дороге в Шанхай она опять попала в шторм. На концерте в Шанхае к ней подошел русский купец и пригласил съездить вместе с ним в Хонькоу, где жили русские чаеоторговцы. В Хонькоу оказалась большая колония русских, было также много европейцев. И на концертах каждый просил спеть на его родном языке. И Дарья Михайловна пела на русском, итальянском, французском, немецком. Но когда наконец она запела на шотландском, то зал разразился громом аплодисментов, а старики шотландцы зарыдали. Среди присутствовавших европейцев был один только китаец — самый важный здешний мандарин. В знак высшей похвалы он снял со своего плеча дорогое и богатое верхнее платье, вышитое гербами, и подарил артистке. Когда из здания она вышла на улицу, то